

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ СССР

Палеолит и неолит СССР. МИА, 1953, № 39.

Со времени выхода в свет в серии МИА первого сборника статей по палеолиту и неолиту прошло двенадцать лет. За эти годы в изучении каменного века СССР достигнуты большие успехи. Открыт древний палеолит в Армении, обнаружены палеолитические погребения в Крыму и на Дону, установлена многослойность ряда стоянок в Костенках, что позволяет по-новому взглянуть на развитие верхнего палеолита Русской равнины. Наряду с успешной полевой работой советские археологи за последние годы широко развернули обсуждение ряда теоретических проблем. Все более и более намечается отход от старых схем, связанных со стадийной концепцией, нивелировавших местные различия культуры, укладывавших все многообразие каменного века СССР в рамки французской классификации палеолита. Все больше внимания уделяется изучению этнических различий в культуре каменного века, конкретной истории древних племен. Все эти достижения советской археологии должны были найти отражение в очередном сборнике «Палеолит и неолит СССР» в серии «Материалов и исследований».

Сборник открывается статьей М. З. Паничкиной о шелльском комплексе местонахождения Сатани-дар в Армении, посвященной древнейшим в СССР остаткам человеческой культуры. Помимо образцовой публикации новых материалов, статья содержит ряд интересных наблюдений над орудиями Сатани-дара, в связи с вопросом о назначении и способах употребления ручных рубил. На основании наблюдений над тем, как удобнее всего держать рубила в руке, М. З. Паничкина приходит, в частности, к выводу о праворукости шелльского человека. Этот вывод может быть подтвержден данными антропологии, к сожалению не учтенными автором. Изучение отливки мозга по черепу синантропа показало, что у синантропа была уже выражена праворукость.

В заключение статьи М. З. Паничкина останавливается на давно обсуждающемся вопросе о причинах параллельного существования шелльских стоянок с большим числом ручных рубил и стоянок почти исключительно с индустрией на отщепе. По мнению М. З. Паничкиной, эти различия обусловлены или особенностями природы разных районов или особенностями хозяйства обитателей стоянок. Вряд ли это так. В эпоху мустье мы также встречаем стоянки с большим числом рубил (Киик-Коба, Чокурча, Староселье, Комб-Капполь) и стоянки с орудиями почти исключительно из отщепов (Шайтан-Коба, Ля-Кина, Плакар). Сравнение фауны стоянок, однако, показывает, что хозяйство их обитателей было одинаковым. Нельзя объяснить различие в составе инвентаря стоянок Армении и Абхазии и приморским положением последних. Стоянки с инвентарем из отщепов известны вдали от моря — в бассейне Кубани. В качестве гипотезы можно так объяснить исследуемое явление. В разобщенных, живших на больших расстояниях друг от друга ордах шелльского человека вырабатывались разные приемы изготовления орудий. Так как в обработке кремня человек делал только первые шаги, естественно, что различия примитивных орудий могли быть немногочисленны. По сути дела они проявились только в том, что в одних стоянках было много орудий с двусторонней обработкой, а в других — их было меньше, чем орудий на отщепе. Ведь и в верхнем палеолите мы видим параллельное существование в одном районе общин с одинаковым хозяйством, но в одном случае с солютрейскими двусторонне обработанными орудиями, а в другом с односторонне обработанными (ориньяскими или мадленскими по типу).

В следующей статье сборника — «Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита восточно-европейской равнины» А. Н. Рогачев сообщает о своих раскопках в Костенках, вызвавших пересмотр представлений о верхнем палеолите Восточной Европы. При раскопках Костенок I и Тельманской стоянки А. Н. Рогачевым обнаружено несколько слоев, причем характер инвентаря каждого из них своеобразен. Так, в Костенках I обнаружено пять слоев, из которых верхний и нижний имеют солютрейский характер, а промежуточные совершенно не дают солютрейских форм. Из этого

следует, что одновременно с общинами с солютрейской техникой существовали общины с инвентарем другого типа. Теперь невозможно столь просто подходить к созданию периодизации верхнего палеолита Русской равнины, как это делалось раньше, когда шкала памятников создавалась на основе типологического анализа и отдельных аналогий из стоянок Франции. Сейчас приходится учитывать этнические различия в культуре населения отдельных стоянок.

Это чрезвычайно осложняет создание периодизации верхнего палеолита. Помочь в работе над ней может только изучение многослойных стоянок, однако и здесь встретится немало трудностей при увязке материалов из разных памятников. Попытка увязать одни костенковские стоянки с другими, предпринятая А. Н. Рогачевым, заслуживает большого внимания, но далеко не во всем бесспорна. А. Н. Рогачев разделил костенковские стоянки на три группы: 1) стоянки II террасы Дона, залегающие в основании толщи лесса в гумусированных прослойках; 2) стоянки в лессе II террасы, залегающие выше гумусированных прослоек; 3) стоянки I террасы. К сожалению, надо констатировать, что террасы в Костенках выражены плохо. Для нас вообще не ясно, можно ли выделять здесь две террасы. Комиссия геологов, работавшая в Костенках в 1953 г., пришла к выводу, что стоянка Костенки IV, расположенная, по А. Н. Рогачеву, на I террасе, синхронна Тельманской стоянке, приуроченной ко II террасе. Разделение стоянок на древние, связанные с гумусированными прослойками в основании лесса, и более поздние, приуроченные к лессу, бесспорно. Однако вряд ли можно так смело сопоставлять друг с другом стоянки первой группы, как это сделано на схеме 11 у А. Н. Рогачева. Основываясь на том, что на ряде стоянок прослежено две гумусированных прослойки, он синхронизирует слои, связанные с нижней прослойкой в разных пунктах Костенок, и считает их более древними, чем слои, приуроченные в других местах к верхней прослойке. Надо учесть, однако, что гумусированные прослойки иногда раздваиваются, а иногда не бывают выражены совсем (что нам пришлось наблюдать, ведя раскопки стоянки Маркина гора в Костенках). Поэтому нельзя быть уверенным, что перед нами во всех случаях одни и те же гумусированные прослойки, а не верхняя раздвоенная прослойка в одном случае, нижняя раздвоенная — в другом и две прослойки — в третьем. Быть может иногда А. Н. Рогачев увлечается, выделяя несколько слоев на небольшом, недостаточном материале. Так, неясно, откуда появились данные о двух слоях в Аносовке, где в 1953 г. вскрыт лишь один слой.

Несмотря на необходимость критического подхода к схеме А. Н. Рогачева, нельзя в целом не приветствовать его работ, положивших конец стадильным построениям в области палеолита и открывших перспективы для изучения конкретной истории первобытных общин эпохи палеолита.

Следующие статьи сборника посвящены палеолитическим стоянкам Боршево I (статья Е. А. Векиловой) и Боршево-II (статья П. П. Ефименко и П. И. Боровского) на Дону. В них интересен вывод о поздней дате стоянки Боршево I. В свое время П. П. Ефименко считал эту стоянку, содержащую мелкие наконечники стрел с боковой выемкой, более древней, чем верхний слой Костенок I, давший крупные наконечники. Теперь эта стоянка относится ко времени более позднему, чем верхний слой Костенок, дата которого в свете работ А. Н. Рогачева также значительно омолодилась. По нашему мнению, это совершенно верно, но напрасно Е. А. Векилова остановилась в своих выводах на полпути, говоря, что в Боршеве I мы видим самый поздний памятник с наконечниками с боковой выемкой, которые затем исчезают. Установление поздней даты Боршево I (как и стоянки Погон на Десне) позволяет связать между собой палеолитические наконечники на пластинках с мезолитическими наконечниками стрел из пластинок. Последние имеют те же формы, что и палеолитические наконечники; они или листовидные с подправкой ретушью со стороны брюшка или черешковые (в том числе и с боковой выемкой) с подправкой со стороны спинки. Размеры их очень близки к размерам наконечников из Боршево. Трудно предполагать, что мезолитические наконечники возникли независимо от палеолитических. Показательно, что в мезолите они распространены на той же территории, что и в палеолите. На юге Украины, где нет палеолитических наконечников, нет наконечников стрел из пластинок

и в мезолите, а в бассейне Десны и Дона стоянки с наконечниками известны и в палеолите и в мезолите. В Западной Европе известно много мадленских стоянок с наконечниками (Петерсфельс, Нижнее Ложери, Ла Мадлен, грот Мерии, Плакар, Реверди, Штельмор, Мейендорф и т. д.), и нет оснований ограничивать время бытования наконечников из пластин только серединой верхнего палеолита. Напомним и находки наконечников в таких поздних стоянках, как Боршево II и нижний слой Миньевского яра. Определенная группа фактов говорят, следовательно, о генетической связи мезолитических наконечников стрел с палеолитическими формами, что имеет определенное историческое значение.

Две статьи сборника посвящены Авдеевской стоянке близ Курска, исследованной М. В. Воеводским в 1946—1948 гг. и А. Н. Рогачевым в 1949 г. В статье М. Д. Гвоздовер публикуются костяные изделия Авдеева (в том числе замечательные произведения искусства), а А. Н. Рогачев останавливается на анализе жилых комплексов поселения. Обе работы подтверждают вывод М. В. Воеводского о поразительной близости всех деталей быта Авдеевской стоянки к особенностям культуры верхнего слоя Костенок I.

Наиболее интересна статья А. Н. Рогачева о жилищах Авдеева. Открытие палеолитических жилищ — большая заслуга советских археологов. К сожалению, из-за задержки публикации материалов Костенковских стоянок наши сведения о жилищах носят слишком отрывочный характер, что очень мешает пониманию этих важнейших памятников. Несомненно, что когда появятся публикации по жилищам Костенок, в ходе их обсуждения специалисты придут к полной ясности в понимании жилищ палеолита. Пока же необходимо воспользоваться очень ценной по материалу публикацией А. Н. Рогачева, чтобы остановиться на некоторых моментах, требующих, по нашему мнению, уточнения.

Остатки жилища Авдеевской стоянки — это овальная площадка длиной более 45 м и шириной 20 м, на которой концентрируются находки. За пределами площадки находок почти нет. На площади жилища выявлен ряд ям, часть из которых считаетеся хранилищами, часть — жилыми землянками. Размеры последних $3,1 \times 1,35$ м; $3,1 \times 1,6$ м. Аналогичная картина вскрыта П. П. Ефименко в верхнем слое Костенок I. Размеры жилища этой стоянки 35×16 м. По границе жилой площадки исследован ряд землянок, размером примерно $3,5 \times 2$ м.

Уже рассмотрение данных о размерах жилищ вызывает ряд недоумений. С одной стороны, мы имеем огромные жилища, площадь которых в 4—6 раз больше площади крупных домов трипольской культуры и в десятки раз больше площади неолитических землянок. Каким образом осуществлялось перекрытие такого колоссального жилища при низком уровне палеолитической техники и, вероятно, при недостатке дерева в условиях ледникового периода, — совершенно непонятно. С другой стороны, мы имеем такие ничтожные по площади землянки, что трудно представить себе, как в них жили люди и чем вызвано их появление, если в другом случае техника позволяла перекрывать дома гораздо больших размеров (непонятно и то, почему землянки перекрывались костями мамонта, а все жилище якобы жердями). Очевидно, в связи с этими недоумениями В. А. Городцовым и некоторыми другими археологами высказывались сомнения в существовании жилищ в Костенках. В то же время большинство археологов смело дают реконструкции палеолитических жилищ, восстанавливают их кровлю, указывают где были входы и перегородки.

Думается, что как сомнение в существовании костенковских жилищ, так и излишняя смелость в реконструкциях вызваны тем, что в предварительных сообщениях об исследовании жилищ мало говорилось о характере залегания их остатков в слое, о методике выявления границ жилищ и т. д. Рецензируемая статья А. Н. Рогачева не составляет в этом отношении исключения.

Между тем надо определенно говорить о том, что границы жилищ не представляют собой четкой линии. Наблюдения в Авдееве и Костенках показали, что граница жилища, как правило, не выделяется в окружающем слое леса и за нее принимается граница максимального распространения находок. Считается, что находки кремня

и кости приурочены только к внутренней части жилища, а вне ее — находок нет. Но ведь жизнь поселения шла и вне жилищ, и культурный слой накапливался и вокруг их стен. Только в редких случаях граница жилища устанавливается по окраске почвы охрой и угольками, но и это не обязательно характерно только для слоя внутри жилища.

Таким образом, в Авдееве и Костенках выявлены несомненно жилые площадки палеолитического человека, но точные границы жилищ, как таковых, мы указать не можем. Отсюда проистекают и разногласия исследователей относительно размеров жилищ. Если по П. П. Ефименко ширина жилищ Костенок I—15—16 м, то по А. Н. Рогачеву — всего 5 м.

Границы землянок, входивших в комплекс большого жилища, определяются также по находкам, ибо принято считать, что кости мамонта, лежащие в землянках, — это рухнувшая кровля, заполнившая целиком площадь жилища. Но кровля все же не обязательно при падении должна была заполнить всю землянку; размеры ее могли быть и больше, чем площадь находок. Отсюда крайняя условность стенок землянок. На фотографиях 10, 11, 13, 14, 20 в статье А. Н. Рогачева мы видим идеально перпендикулярные стенки землянок. Такие прямые стенки можно вырыть только металлической лопатой, а не палеолитической мотыгой. К тому же общеизвестно, что стенки землянок редко сохраняют первоначальное положение, обычно они осыпаются или оползают. Из всего этого видно, что условия находки остатков палеолитических жилищ таковы, что мы имеем мало данных для их реконструкции. Неясны даже истинные размеры жилища, не говоря уже о конструкции кровли, количестве секций дома и т. д.

По нашему мнению, жилища Костенок I и IV и Авдеева не имели перекрытия. Скорее всего они представляли собой нечто вроде круговых ветровых заслонов, которые известны у бушменов. В пределах большого огражденного пространства горел ряд костров и существовало несколько землянок с перекрытиями, где спали обитатели жилища. Размеры землянок точно не известны, но скорее всего они близки к размерам жилища Гагарина (диаметр более 5 м).

В следующей статье сборника А. П. Окладников дает обзор находок индустрии палеолитического типа в долине р. Лены. Автор публикует ряд весьма интересных находок, говорящих о глубокой древности заселения человеком отдаленного северо-восточного района нашей страны. Следует, однако, заметить, что палеолитический возраст большинства стоянок определяется достаточно условно. Только на одной стоянке из двадцати девяти — Усть-Частинской (к слову, мало похожей на Мальту, с которой ее сопоставляет автор) найдена четвертичная фауна. Палеолитический возраст остальных стоянок определяется по облику инвентаря. Но еще В. И. Громов показал, что палеолитического облика инвентарь бытует в раннем неолите Сибири. Сам А. П. Окладников описал палеолитического типа скребла из исаковских погребений Забайкалья. Если учесть, что самые древние, по А. П. Окладникову, неолитические стоянки Лены (Турукта, Куллаты) содержат треугольные наконечники стрел с выемкой в основании, которые не могут быть старше IV тысячелетия до н. э., ранненеолитический возраст описанных А. П. Окладниковым местонахождений станет еще вероятнее. В «Истории Якутии» (стр. 49) А. П. Окладников относил большинство стоянок Лены ко времени после исчезновения мамонта. В таком случае применять термин палеолит к ним не следует. Автор, энергично выступавший против концепции В. К. Арсеньева о хроническом запаздывании Восточной Сибири в культурном отношении, палеолит которой якобы синхронен западному неолиту, в данном случае оказался непоследовательным.

Те же упреки в отношении даты стоянок могут быть адресованы и З. А. Абрамовой — автору статьи о палеолите близ Кяхты, где описан, в частности, ряд находок, отнесенных Г. П. Сосновским к неолиту.

Из статей сборника по неолиту особенно интересны публикации Н. А. Чернышева (Кузнецкий могильник), М. П. Грязнова (погребение в Батенях на Енисее) и Э. Р. Рыгдылона (сборы на дюнах Среднего Енисея), знакомящие нас с неолитом Западной Сибири, до этого почти неизвестным. К сожалению, рисунки статьи

Н. А. Чернышева дают слишком неполное представление о вещах. Интересна и статья Н. Н. Г у р и н о й о могильнике на Оленьем острове Баренцова моря, устанавливающая ряд новых фактов по сравнению с материалами А. В. Шмидта.

Не удовлетворяет читателя статья В. В. Ф е д о р о в а о стоянке Плеханов бор на Оке. Прежде всего автору осталась неизвестной статья В. А. Тихомировой¹ о недавних раскопках на той стоянке, откуда он публикует старый, мало документированный материал. Описания вещей не всегда правильны. Так, типичный фигурный кремь автор называет топором (рис. 9, 6). Наконец, относительно культурной принадлежности стоянки у автора нет полной ясности; он связывает ее то с льяловской, то с волосовской культурой, тогда как правильнее сближать стоянку с балахнинской культурой.

Интереснее другая статья В. В. Ф е д о р о в а, где он сообщает о находке склада кремневых заготовок на Алексеевской стоянке на Верхней Волге. Автор, по-видимому, прав, когда говорит, что заготовки были зарыты неолитическим человеком для сохранения влажности кремня, делающей его более пригодным для изготовления орудий. Укажем на аналогичное скопление грубообколотых кремневых желваков, зарытое близ землянки 10 на трипольском поселении Поливанов яр на Днестре.

Закрывают сборник три статьи об отдельных категориях вещей (Н. А. Б е р е г о в о й — о гарпунах с Колымы и С. А. С е м е н о в а о каменных ретушерах и сверлах) и две заметки о четвертичной фауне (из Мурзак-кобы в Крыму и из Забайкалья).

Оценивая сборник в целом, мы можем сказать, что он содержит много ценных материалов, которые, несомненно, прочно войдут в научный обиход. Сборник показывает большие достижения советских археологов в изучении памятников палеолита и неолита, но, к сожалению, содержит мало теоретических статей. Этот том МИА представляет собой скорее материалы, чем исследования по археологии СССР. Большинство статей является публикационными заметками, да и большие статьи (А. П. Окладникова, П. П. Ефименко и П. И. Борисовского) почти не содержат исследовательских построений. Единственная статья на теоретическую тему — А. Н. Рогачева излишне кратка и не сообщает даже десятой доли тех наблюдений, которые сделаны за последнее время автором.

Коллектив сектора палеолита ИИМК, подготовивший сборник, несомненно ошибся, когда решил не выносить в печать те большие теоретические споры, которые развертываются в нем по вопросам периодизации палеолита, изучения его локальных особенностей и т. д.

А. А. Формозов

АКАДЕМИК ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВ, Проблемы минойского языка, София, 1953, 193 стр.

Уже в течение более десяти лет известный болгарский лингвист академик Владимир Георгиев занимается вопросами дешифровки древнейших письмен, найденных на острове Крите и на материке Греции и известных под названием минойских. В течение этого времени он опубликовал ряд работ, посвященных этому вопросу. Разбираемая книга и подводит итог всем этим трудам.

Вступительная глава, озаглавленная «Принципиальные вопросы», посвящена полемике с научными противниками. В той же главе говорится об основных исходных положениях при дешифровке письма (стр. 14 слл.). Автор отправляется от слов, написанных знаками, сходными со знаками кипрского силлабария, и от слов со значением, известным благодаря находящимся рядом с ними идеограммам, исходя из предпосылки, что упоминаемые здесь личные имена людей — греческие

¹ «Историко-археологический сборник Института музейной и краеведческой работы 1948 г.».